

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Попов Павел Владимирович

**КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА IX–XIV ВВ.**

Исторические науки:

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в отделе средневековой археологии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института археологии Российской академии наук

Научный руководитель: старший научный сотрудник группы средневековой археологии евразийских степей Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук, кандидат исторических наук **Кокорина Нина Александровна**

Официальные оппоненты:

Хузин Фаяз Шарипович – доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, заместитель директора обособленного структурного подразделения Государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан» «Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан».

Болелов Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заместитель заведующего отделом истории материальной культуры и древнего искусства народов Востока Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей искусства народов Востока».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Исторический музей»

Защита состоится « **20** » сентября **2018** г. в **12.00** часов на заседании совета Д002.007.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН <http://www.archaeolog.ru/?id=13>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь совета,
Доктор исторических наук

Е.Г. Дәвлет

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Средневековый период является одним из наиболее значимых в истории Нижневолжского края. В это время здесь появляются столичные центры двух кочевых империй – Хазарского каганата и Улуса Джучи. В период своего наивысшего могущества эти государства распространяли свою гегемонию на обширные пространства Восточной Европы. Изучение их истории представляется весьма актуальным в связи с тем, что культурные традиции, бытовавшие в рамках этих образований, оказали большое влияние на процесс этногенеза многих современных народов.

В этой связи большой интерес представляют данные, полученные в ходе исследований на Самосдельском городище, планомерные раскопки которого осуществляются с 2000 г. За этот период были изучены два раскопа общей площадью около 940 м². Мощность культурных напластований, выявленных при раскопках, достигает 3,5 м, что говорит о длительном периоде существования городища. Кроме того, проводимые археологические работы выявили чрезвычайную насыщенность культурного слоя: наблюдается плотная жилая застройка территории городища, длительное существование жилых сооружений, имевших сложную строительную историю. Все это затрудняет изучение и интерпретацию материалов памятника.

Анализ стратиграфии городища позволяет отметить несколько хронологических периодов его существования. Их выделение основано на фиксации нескольких прослоек пожаров, являющихся границами, разделяющими культурные напластования, синхронным существованием комплексов сооружений, хозяйственных ям и иных объектов. Анализ материалов, полученных из стратиграфических горизонтов, показывает наличие в них специфических черт, которые дают основания для их датировки. В связи большим объемом проведенных исследований остро стоит вопрос систематизации и ввода в научный оборот материалов Самосдельского городища.

Керамика является основным типом находок при раскопках памятника, значимую роль в этом сыграли природно-климатические факторы. Дельтовая зона реки Волги характеризуется повышенным количеством влаги, а также засолением почв, вызванным периодическим затоплением солеными водами Каспийского моря. Эти условия крайне неблагоприятно сказываются на сохранности металлических предметов, которые часто выступают в качестве хроноиндикаторов.

В этой ситуации одним из основных источников информации является керамический комплекс памятника. Его систематизация позволяет наиболее полно охарактеризовать этнокультурный состав населения Самосдельского городища, а также выделить составляющие компоненты материальной культуры памятника, проследить их истоки.

Кроме того, результаты подобных исследований дают возможность охарактеризовать процесс сложения городского поселения, выделить его этапы, определить специфику. Изучение гончарства Самосдельского городища дает материалы для характеристики системы организации ремесленного

производства, что может быть использовано для оценки общего уровня развития хозяйства города, а также изучения социальной структуры его населения.

В силу названных природно-климатических условий дельты реки Волги анализ керамической коллекции памятника поможет уточнить его хронологию, в том числе более точно датировать время его возникновения и этапы существования.

Таким образом, приведенные сведения указывают на актуальность и значимость изучения материалов, полученных в ходе исследований на Самосдельском городище, в частности, глиняной посуды.

Степень изученности проблемы. Начало исследования гончарного комплекса Самосдельского городища было положено в рамках планомерных археологических работ на памятнике. Основной категорией находок на городище стала керамика, поэтому ее описание появилось уже в первых публикациях, посвященных этим исследованиям¹. Большое внимание анализу керамической коллекции уделено в первой масштабной публикации результатов представленных работ. Авторами был произведен общий обзор коллекции, по результатам которого выделен болгарский и огузский компоненты, лежащие в основе керамического комплекса городища².

Кроме того, общий обзор керамического комплекса городища осуществлен в статье, вышедшей в 2006 г. в журнале «Российская археология»³.

Планомерно занимаясь изучением керамики Самосдельского городища, в соавторстве с Д.В. Васильевым диссертант опубликовал статью, посвященную принципам полевой обработки керамики⁴. Позднее им была разработана типология лепных котлов Самосдельского городища⁵, где автор выделяет ряд специфических типов этих сосудов, являющихся уникальными для средневековых памятников восточноевропейского региона. Их происхождение связано с территорией Семиречья, Таласской долины, близкие аналогии им

¹ Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Исследования на Самосдельском городище и в его окрестностях // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 398–400; Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Исследования на Самосдельском городище (к вопросу об огузских древностях в дельте Волги) // Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона. Йошкар-Ола, 2003. С. 55–60.

² Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т. 3: Половецко-золотоордынское время. С. 83–122.

³ Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. 2006. № 4. С. 24–35.

⁴ Васильев Д.В., Попов П.В. Код для формализованного описания неполивной керамики Самосдельского городища // Перекрестки истории: актуальные проблемы исторической науки: мат-лы Всероссийской научной конференции (г. Астрахань, 18 апреля 2008 г.). Астрахань, 2008. С. 86–91; Васильев Д.В., Попов П.В. Код для описания неполивной керамики Самосдельского городища // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. Вып. 8. № 1. С. 162–172.

⁵ Попов П.В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. С. 153–187.

найжены в материалах памятников бассейна Сырдарьи, а также Согда. Большое значение приобретает тот факт, что некоторые типы котлов имеют довольно четкие хронологические рамки своего бытования, что является основанием для датирования возникновения городища второй половиной IX в.

В 2010 г. диссертантом была опубликована статья, посвященная анализу происхождения зооморфных орнаментов, встречающихся на самосдельской посуде¹. Анализ этих мотивов указывает на их происхождение с территории среднеазиатского региона, прежде всего из бассейна Сырдарьи, а также Согда и Семиречья.

Важным событием в деле изучения городища Самосделка является выход в 2011 г. сборника «Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации». В этом издании группа исследователей, занимающаяся изучением городища, опубликовала результаты своих работ. Подобный комплексный подход выгодно отличает сборник от аналогичных изданий, ориентированных на раскрытие одного аспекта материальной культуры памятника. В представленном сборнике вопросы изучения керамики были затронуты в статьях руководителей археологических исследований на памятнике Э.Д. Зиливинской² и Д.В. Васильева³. В этих работах приведена общая характеристика керамического комплекса в рамках обзора основных категорий артефактов.

Одной из статей, вошедших в сборник, является работа диссертанта, посвященная публикации предварительной типологии керамики Самосдельского городища⁴. Результаты анализа гончарного комплекса памятника подтверждают тезис о его синкретичности и выделении как минимум двух компонентов, которые можно связать с болгарами и тюркоязычными кочевниками, пришедшими в Нижнее Поволжье с территории среднеазиатского региона. Кроме того, находками определенных типов сосудов, прежде всего лепных котлов, подтверждается датировка нижних слоев памятника в пределах IX в.

В 2016 г. выходит несколько публикаций диссертанта, касающихся отдельных вопросов изучения керамического комплекса Самосдельского городища. Так, проблеме происхождения отдельных типов посуды посвящена статья, вышедшая в № 2 журнала «Российская археология»⁵. Анализ лепной керамики из предматериковых слоев городища приведен в работе,

¹ Попов П.В. Зооморфный декор в керамике Самосдельского городища // Российская археология. 2010. № 2. С. 112–124.

² Зиливинская Э.Д. Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. С. 13–35.

³ Васильев Д.В. Некоторые результаты исследований на раскопе № 2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. С. 36–47.

⁴ Попов П.В. Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. С. 60–89.

⁵ Попов П.В. К вопросу о происхождении некоторых типов керамики Самосдельского городища // Российская археология. 2016. № 2. С. 63–87.

опубликованной в сборнике материалов VIII Астраханских краеведческих чтений¹.

Таким образом, приведенный обзор свидетельствует о том, что керамика Самосдельского городища изучена недостаточно. Не существует законченной классификации, не определен удельный вес выделяемых групп, в том числе и в разные периоды жизни памятника. Требуется уточнения вопрос историко-культурной атрибуции материала, а также проблема его происхождения.

Объектом диссертационного исследования является гончарный комплекс Самосдельского городища, как совокупность керамических форм, его количественные показатели и качественные характеристики, процесс формирования и изменения во времени.

Предметом исследования стали целые формы и фрагменты керамической посуды, обнаруженные в ходе раскопок на городище Самосделка.

Целью диссертационного исследования является общая характеристика керамического комплекса Самосдельского городища: выявление его истоков, составляющих компонентов, установление особенностей формирования и развития на протяжении периода его существования.

Для достижения заявленной цели определен ряд **задач**, решаемых в рамках исследования:

- выделение технологических групп в комплексе керамики памятника, ее систематизация на основе морфологических признаков;
- разработка типологии керамики Самосдельского городища, выделение основных групп, категорий, отделов и типов;
- выявление аналогий выделенным типам в материалах сопредельных территорий, а также выяснение их происхождения;
- раскрытие механизмов формирования керамического комплекса памятника, динамики и направлений его развития;
- этнокультурная интерпретация изучаемой керамики.

Методология и методы исследования. Методы диссертационного исследования обусловлены его целями и задачами. При подготовке работы применялись следующие методы исторической науки: методы анализа, синтеза, сопоставления и системного подхода к источникам. Также использовались специфические для исследований в области археологии методы: классификация и систематизация находок, их статистический, стилистический анализ, приведение аналогий, корреляция встречаемости, а также распространения в культурном слое.

В основу типологии керамического комплекса Самосдельского городища был положен принцип разделения посуды на группы, выделяемые по технологическим признакам: техника изготовления, цвет черепка, примеси. Аналогичный подход применяла Т.А. Хлебникова для изучения керамики Волжской Болгарии. В рамках групп выделяли категории и отделы в соответствии с назначением сосудов. Выделения типов сосудов

¹ Попов П.В. Комплекс лепной керамики из предматериковых слоев Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2016. Вып. VIII. С. 60–65.

осуществлялись согласно с их морфологическими особенностями, которые определялись по методу И.П. Русановой на основе вычисляемых в процентах пропорций тулова, общей формы, формы горловины.

Территориальные рамки исследования. География исследования ограничена территорией Самосдельского городища, расположенного в Камызякском районе Астраханской области, в 40 км южнее г. Астрахани.

Хронологические рамки исследования. Хронология исследования основана на датировках культурного слоя городища. Результаты археологических раскопок говорят о том, что памятник существовал с IX по XIV в.

Источниковая база исследования. Используются материалы, полученные в ходе работ на Самосдельском городище в 1990-е гг. под руководством С.А. Котенькова, археологических раскопок 2000–2012 гг. под руководством Э.Д. Зиливинской, Т.Ю. Гречкиной, Д.В. Васильева. Всего при написании данной работы было рассмотрено 1 706 целых сосудов и их фрагментов.

Научная новизна исследования. Основным типом находок, полученных при изучении Самосдельского городища, является керамика. Поэтому изучение посуды позволяет выявить компоненты в материальной культуре, а также определить традиции, лежащие в ее основе.

В рамках диссертационного исследования впервые была разработана классификация керамического комплекса памятника. В предшествующих работах анализ гончарного комплекса носил предварительный характер и проводился на ограниченном материале.

Изучение керамики городища позволило сделать ряд новых выводов:

Выделена, наиболее многочисленная в количественном и процентном соотношении, группа I, которую можно соотнести с болгарским компонентом и с I общеболгарской группой, прослеженной на материалах Среднего Поволжья. Это доказывает, что основу населения городища составляли болгарские племена.

Зафиксированы специфические формы лепных котлов, происхождение которых связано с территорией Семиречья. Эти сосуды соотносятся с кочевым тюркоязычным населением, переселившимся из указанного региона в Нижнее Поволжье.

Эти котлы имеют значение хроноиндикаторов и распространены в нижних слоях памятника. Это позволяет датировать городище не позднее середины IX века.

Научная значимость диссертационного исследования. Проанализированы, систематизированы и введены в научный оборот новейшие материалы такого значимого памятника, как Самосдельское городище. Результаты исследования имеют большое значение для дальнейшего изучения средневековой истории Нижнего Поволжья и Восточной Европы.

На основании практически полного отсутствия на городище салтово-маяцкой керамики выдвинута гипотеза о наличии хронологического разрыва между памятниками Донского региона и Самосдельским городищем. При этом факт отсутствия салтовских форм ставит проблему культурных связей регионов, входивших в Хазарский каганат.

Результаты изучения керамики позволили подтвердить сообщения письменных источников о синкретичном характере населения города – области Саксин, локализуемой в Нижнем Поволжье¹.

Изучение керамики памятника показало ограниченный характер культурного влияния монголо-татарских завоевателей на население городища в последний период его существования.

Практическая значимость диссертационного исследования. Материалы и вводы, представленные в работе, могут быть использованы при преподавании специальных дисциплин в системе высшего и средне-специального образования, при подготовке учебных и методических пособий. Кроме того, полученные материалы могут найти применение при проектировании музейных экспозиций.

Личный вклад соискателя в получение выводов диссертации заключается в систематизации и анализе 1 706 целых сосудов и их фрагментов, происходящих из культурного слоя Самосдельского городища, а также в разработке классификации керамического комплекса памятника. Помимо того, с 2001 г. соискатель принимает личное участие в археологических раскопках на памятнике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Керамический комплекс Самосдельского городища изучается в соответствии с методикой, разработанной Т.А. Хлебниковой, Н.А. Кокориной для исследования болгарской керамики Среднего Поволжья. В соответствии с принятой методологией выделяется четыре технологические группы керамики, в рамках которых представлены категории, отделы, типы.

2. Наибольшее распространение, в количественном и процентном соотношении, получает группа I, которая соотносится с болгарским компонентом в населении памятника и соответствует I общеболгарской группе, выделенной на материалах Среднего Поволжья.

3. В гончарном комплексе памятника выделяется ряд типов керамики, которые соотносятся с тюркоязычными номадами. Прежде всего, это лепные котлы с округлым туловом. Судя по наличию котлов с горизонтальными витыми и треугольными ручками, эти кочевники связаны своим происхождением с регионом Семиречья. Данные котлы имеют значение хроноиндикаторов и позволяют датировать нижние слои городища не позднее середины IX в.

4. Керамический комплекс памятника свидетельствует о длительном сохранении черт, характерных для кочевого быта, например, об использовании котлов как основного типа кухонной посуды.

5. В коллекции Самосдельского городища практически полностью отсутствует салтово-маяцкая керамика, что можно объяснить различиями в хронологии и в направлениях культурных связей.

¹ Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 169. М., 1969. С. 208; Васильев Д.В. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: мат-лы I Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.). Волгоград, 2004. С. 264–269.

6. Анализ материалов памятника свидетельствует, что его формирование связано с влиянием традиций среднеазиатского гончарства. Окончательное его сложение происходит непосредственно на Самосдельском городище.

7. Керамический комплекс памятника характеризуется стабильностью, консервативностью, сохранением основных своих черт на протяжении всего периода существования городища, что указывает на отсутствие значительных инфильтраций иноэтничного населения.

Апробация результатов исследования. По теме представленного исследования было опубликовано 11 научных работ (общий объем – 7,4 п.л.), 3 статьи из них помещены в издания, рецензируемые ВАК РФ.

Основные положения работы обсуждались на всероссийских и международных конференциях в Волгограде (2004), Суздале (2008), Астрахани (2009).

Структура работы определена целями и задачами диссертационного исследования, а также спецификой исследуемого материала. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы. Приложения, объем которых позволил оформить их отдельным томом, содержат графические изображения и фотографии типов керамики, рассматриваемых в диссертации, а также графики распределения групп, выявленных в гончарном комплексе памятника.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении раскрыта актуальность темы диссертационного исследования, степень ее изученности, научная новизна, охарактеризована источниковая база и историография рассматриваемого вопроса, сформулированы цели и задачи, очерчены его территориальные и хронологические рамки, указана степень научной значимости работы и возможность ее практического применения.

Первая глава **«Историография изучения средневековой керамики Нижнего Поволжья и сопредельных регионов. История изучения и основные результаты исследований Самосдельского городища»** разделена на четыре параграфа.

В первом параграфе *«Историография изучения средневековой керамики Нижнего Поволжья и сопредельных регионов»* приведен краткий историографический обзор вопросов изучения средневековой керамики ряда районов Восточной Европы: Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Подонье, Причерноморье и Крым. Представленный обзор говорит о том, что материалы различных регионов изучены неравномерно. В большинстве случаев систематизацию керамического материала осуществляли на основе анализа морфологии сосудов, а также их назначения. В конце XX в. появляются работы, где в соответствии с методикой А.А. Бобринского рассматриваются технологические особенности керамики. Стоит особо отметить труды Г.Е. Афанасьева и В.Ю. Малашева, применявших при обработке керамических материалов статистические методы.

Во втором параграфе *«История исследований на Самосдельском городище и историография изучения керамического комплекса памятника»* рассмотрена

история исследований на городище Самосделка и степень изученности керамического комплекса этого памятника. Особое внимание уделено работам, которые начались в 2000 г. и продолжаются до настоящего времени. Кроме того, в параграфе констатируется недостаточная изученность керамической коллекции памятника, а также актуальность подобного исследования.

Включение третьего параграфа *«Методика классификации керамического комплекса Самосдельского городища и источниковая база исследования»* в главу I обусловлено необходимостью обоснования применения при обработке керамики городища методики, разработанной Т.А. Хлебниковой¹ для систематизации материалов Волжской Болгарии. Преимуществом данного решения следует признать комплексный характер применяемой Т.А. Хлебниковой методологии, выражающийся в учете технологических характеристик посуды и ее морфологических особенностей. Важным доводом в пользу использования представленного метода стало выделение на материалах Самосдельского городища болгарского компонента. В параграфе детально описаны принципы определения групп керамики, ее категорий, отделов и типов.

Четвертый параграф *«Обзор стратиграфии и планиграфии исследованных участков Самосдельского городища. Выделение стратиграфических комплексов»* посвящен описанию стратиграфии и планиграфии раскопов № 1, № 2, при исследовании которых получен керамический материал, рассматриваемый в представленной диссертации. Необходимость включения этого параграфа в главу I связана с тем, что полностью материалы с этих раскопов до сих пор не были опубликованы. В тексте обосновано выделение стратиграфических комплексов, что позволяет систематизировать массив находок, обнаруженных при раскопках, в том числе и керамику. Подобный подход дает возможность проследить изменения, происходившие в керамическом комплексе на протяжении периода существования памятника, более точно датировать материалы, так как его хронология в этом случае может быть определена путем сопоставления стратиграфических данных и аналогий предметов. В связи со сказанным разделение находок из разных стратиграфических комплексов является важным элементом структурирования керамической коллекции городища.

Во второй главе «Керамика нижних слоев Самосдельского городища» проанализирован керамический комплекс из наиболее ранних слоев памятника. Глава разделена на два параграфа, где рассмотрены материалы из двух стратиграфически выделенных комплексов на уровне XII–XI и IX–X штыков.

В ходе исследования керамический комплекс из нижних слоев памятника был разделен на четыре группы.

Керамика группы I выполнена на гончарном круге, характеризуется слабой запесоченностью теста, окислительным обжигом, при котором черепок приобретал красный и желто-оранжевый цвета. Помимо песка, в состав теста

¹ Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). М., 1984.

добавляли небольшое количество органических примесей (навоз). Довольно редко встречается добавление в тесто иных отощителей – мелкодробленого шамота и толченой раковины. Группа I наиболее многочисленна, ее доля составляет около 66,7 % от общей выборки посуды в комплексе. В ней представлен широкий ассортимент разнообразной по назначению посуды: кувшины, кружки, горшки, миски, блюда, чашевидные формы, корчаги. Всю керамику этой группы следует отнести к столовым или тарным формам. Многочисленные аналогии сосудам этой группы находятся в материалах Волжской Болгарии, где они также соотносятся с I общеболгарской группой керамики. Поэтому рассматриваемую группу можно соотнести с болгарским компонентом в населении памятника.

Посуда группы II изготовлена с применением гончарного круга, с помощью которого сформованные от руки посредством техники лоскутного налепа сосуды проходили вторичную обработку. В нижних придонных частях сосудов часто наблюдаются следы подрезки ножом. Посуду изготавливали из хорошо промешанного теста с большим количеством отощителей: мелкий шамот, песок, толченая раковина, что объяснимо кухонным назначением сосудов этой группы. Изучаемая посуда имеет окислительный обжиг, однако на многих формах черепок в результате длительного термического воздействия при использовании сосуда приобретал серый и бурый цвета. Группа II представлена только гончарными кухонными котлами, ее доля составляет около 5,3 %. Керамика группы II не находит аналогий на памятниках Восточной Европы. В более позднее время она фиксируется в материалах Дербента, в слоях, датируемых XI–XII вв.

В группу III вошли лепные сосуды, изготовленные без применения гончарного круга. Эту группу характеризует наличие большого количества примесей в глиняном тесте: крупный шамот, навоз, мелкорубленая трава, встречаются песок и толченая ракушка. Посуда этой группы являлась продуктом придомного гончарства, поэтому состав и количество примесей могли варьироваться, что стало отражением индивидуальных привычек мастера. Характерной чертой керамики группы III является грубость исполнения сосудов, низкое качество их обжига, который, видимо, производился на открытом огне. Об этом свидетельствуют красные, бурые и черные пятна на черепке, появившиеся вследствие неравномерного температурного режима, а также черный цвет на изломе. Удельный вес группы III в общей выборке составляет около 3,4 %.

Группа IV представлена только лепными сосудами. Состав теста, применявшегося для изготовления посуды, очень схож с рецептами формовочных масс керамики группы III. Здесь также зафиксировано добавление крупного шамота, навоза, песка, реже – толченой раковины. Вследствие придомного характера производства посуды наблюдается вариативность количественного и качественного состава добавок. В данной группе был использован окислительный обжиг, в результате которого черепок приобретал красно-оранжевый цвет. Группа IV является одной из самых распространенных на памятнике, ее доля составляет 24,6 % от общей выборки

посуды в комплексе. Многочисленные аналогии посуда группы IV находят в комплексе «кочевнической» керамики Саркела, на памятниках Волжской Болгарии, где их Т.А. Хлебникова связывает с кочевыми тюркоязычными племенами. Особо следует отметить комплекс лепных котлов, который находят аналогии в памятниках среднеазиатского региона: Семиречья, Средней Сырдарьи, Согда.

В целом представленное разделение керамического комплекса сохраняется на протяжении всего периода существования городища, в дальнейшем исчезает только керамика группы III.

Для определения датировки комплекса нижних слоев памятника решающее значение имеет наличие лепных котлов с витыми и треугольными ручками. Указанные лепные котлы имеют аналогии в материалах памятников Семиречья и Таласской долины, где относительно четко датируются не позднее IX в. Исходя из этого, можно предположить, что исследованные на уровне XI–XII штыков слои датируются в пределах IX в.

Керамика, выявленная при исследовании культурного слоя городища на уровне IX–X штыков, демонстрирует преемственность комплексу, обнаруженному в нижележащих слоях. Она дифференцируется на аналогичные технологические группы, в которых наблюдается преемственность наиболее распространенных категорий и типов посуды. Таким образом, вполне обоснованным представляется предположение о датировке этого комплекса концом IX – серединой X в. Верхняя хронологическая граница предложена на основании стратиграфического залегания лепных котлов с витыми ручками, распространение которых ограничено именно этим периодом. Следует отметить, что в керамическом комплексе, полученном с уровня IX–X штыков, отсутствуют котлы с треугольными ручками, а также существенно снижается доля котлов с витыми ручками в выборке из категории. Это свидетельствует о постепенном изживании подобных специфических форм. Учитывая, что бытование данных типов котлов на памятниках Семиречья ограничивается IX в., следует признать обоснованным принятие верхней границы распространения этих форм серединой X в. Таким образом, мощный слой пожара, зафиксированный на уровне IX штыка, следует датировать серединой – второй половиной X в.

В третьей главе «Керамика из комплексов домонгольского времени» рассмотрены материалы, полученные из двух стратиграфических комплексов «яма № 24 – сооружение № 9А» и «сооружение № 9 – сооружение № 25».

Анализ, представленный в первом параграфе третьей главы «*Керамика из стратиграфического комплекса “яма № 24 – сооружение № 9А”*», позволяет говорить о преемственности рассмотренных сосудов материалам из нижних слоев городища. Так, в указанном комплексе наибольшее распространение получает керамика группы I, ее доля в выборке составляет 62,5 %. Сохраняется высокий процент лепной керамики группы IV, составляющий 32,5 %, что соответствует суммарному показателю распространения посуды групп III и IV в нижележащем комплексе.

Помимо этого, наблюдается преемственность основных категорий и отделов посуды. В группе I наиболее многочисленной категорией являются кувшиновидные формы: кувшины и кружки, находящие прототипы в керамике нижних слоев памятника. Кроме того, сохраняют преемственность форм гончарные чашевидные сосуды, миски, котлы группы II, а также лепные горшки и котлы группы IV.

Примечательны существенные изменения, наблюдающиеся при сравнении керамики комплекса нижних слоев памятника и стратиграфического горизонта «яма № 24 – сооружение № 9А». В последнем в виде единичных фрагментов встречается лепная керамика группы III, исчезают котлы типа 1, 2 группы IV со сферическим туловом, горизонтальными петлевидными, витыми и треугольными ручками.

Все указанные группы и типы керамики соотносятся с определенными кочевыми компонентами в населении памятника. Их исчезновение с городища явилось результатом ряда причин. Весомую роль в этом процессе сыграла большая военная акция, следы которой в виде мощного пожарища зафиксированы на уровне IX штыка. В этом контексте интересные данные получены при сопоставлении доли архаичной посуды в комплексе XI–XII и IX–X штыков. Так, в предматериковых слоях доля котлов типа 1 группы IV в отделе составляет 25 %, а в слоях на уровне IX–X штыков – 16,6 %. Снижается доля керамики группы III (с 3,5 до 1,5 %), что может свидетельствовать о процессах нивелирования в среде носителей кочевнических традиций, проживавших на городище. В пользу этого предположения говорит широкое распространение посуды группы IV, доля которой в материалах из стратиграфического горизонта «яма № 24 – сооружение № 9А» достигает 32,5 %. Как отмечалось, посуда групп III и IV имеет тесные этнокультурные связи, возможно, она была использована близкородственными этническими компонентами.

Принимая во внимание предложенную датировку нижних слоев городища, стратиграфический горизонт «яма № 24 – сооружение № 9А» следует датировать второй половиной X – началом XI в. Аналогичную точку зрения высказывали авторы раскопок¹. Таким образом, изучаемый комплекс иллюстрирует период восстановления жизни на городище после разгрома середины X в. и начала формирования новой общности, которая известна по письменным источникам как город-область Саксин².

Во втором параграфе третьей главы «*Керамика из стратиграфического комплекса “сооружение № 9 – сооружение № 25”*» диссертант выясняет, что изучение коллекции, полученной из этих слоев, также указывает на преемственность основных характеристик этого комплекса.

¹ Зиливинская Э.Д. Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. С. 19.

² Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XIII–XIV вв. // Материалы и исследования археологии. № 169. М., 1969. С. 253–262.

Наибольшее распространение получает посуда группы I, доля которой составляет 69,6 %. По сравнению с керамическим комплексом нижележащих слоев ее доля несколько увеличивается. Так, в нижних слоях городища она составляла 63–64 %, в выборке из стратиграфического комплекса «яма № 24 – сооружение № 9А» – 60 %. На этом фоне показательно выглядит снижение процентной доли посуды группы II. В рассматриваемом горизонте ее доля составляет 2,8 %, в выборке из комплекса нижних слоев она была 11,5 %, а из горизонта «яма № 24 – сооружение № 9А» – всего 4,6 %. Видимо, это указывает на этническое нивелирование населения памятника и культурную ассимиляцию носителей традиции изготовления этой специфичной кухонной керамики. Стабильной остается доля керамики группы IV: как и в нижележащих комплексах, она составляет 27,5 % от общего числа учетных форм.

Сказанное позволяет утверждать, что население памятника по составу оставалось стабильным. Оснований говорить о притоке каких-либо групп иноэтнического населения не имеется.

Стратиграфический горизонт «сооружение № 9 – сооружение № 25» может быть датирован XI – серединой XII в., на что указывает общий контекст раскопа и отдельные находки. Верхнюю дату горизонта можно определить на основании находок изделий из цветного металла и люстровой керамики. Так, в слоях на уровне V штыка была обнаружена бронзовая застёжка. Абсолютно идентичная вещь зафиксирована в материалах Болгара, в слоях, датируемых XII – началом XIII в. Кроме того, следует отметить находку в заполнении сооружения № 23 донной части кашинного люстрового сосуда с изображением фигуры человека, играющего на струнном щипковом музыкальном инструменте. Е.М. Болдырева утверждает, что подобное изображение, выполненное в резерве, с доработкой некоторых деталей люстровыми штрихами, позволяет отнести узор на этой чаше к монументальному стилю росписи, уходящему корнями в более ранние люстровые изделия фатимидского периода¹. Подобная керамика также датируется не ранее середины XII в. Поэтому наиболее вероятной верхней датой стратиграфического комплекса «сооружение № 9 – сооружение № 25» является середина XII в.

Четвертая глава диссертационного исследования **«Керамика из комплексов предмонгольского и золотоордынского времени»** также делится на два параграфа, в которых рассмотрены материалы обособленных стратиграфических комплексов: «землянка № 1 – сооружение № 5» и комплекс верхних слоев городища. Важной особенностью представленной главы является учет керамики, полученной при исследовании раскопа № 2.

В первом параграфе четвертой главы *«Керамика из стратиграфического комплекса “землянка № 1 – сооружение № 5”»* анализ исследованной посуды демонстрирует общую преемственность коллекциям из нижележащих слоев памятника, что позволяет говорить о стабильности этнического и социального

¹ Болдырева Е.М. Композиционные и технологические особенности орнаментации поливной керамики Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2010. С. 70–73.

состава населения городища. Об этом же свидетельствует нарастание тенденций, отмеченных при исследовании керамики из нижележащих слоев. Продолжает снижаться количество посуды группы II. В материалах рассматриваемого комплекса ее доля составляла крайне незначительный процент.

Особо следует отметить резкое увеличение числа сфероконусов. Их доля в выборке из комплекса превышает, к примеру, количество гончарных горшков. Такой невероятно высокий процент этой специфической категории посуды может свидетельствовать о небывалом увеличении в рассматриваемый период импорта ртути, благовоний или иных ценных веществ. В свою очередь, сложившаяся ситуация подтверждает высокий уровень благосостояния населения городища.

Стратиграфический комплекс «землянка № 1 – сооружение № 5» может быть датирован второй половиной XII–XIII вв. Как отмечено, подобная датировка основана на находках в рассматриваемых слоях люстровой посуды. Кроме того, на правильность такой интерпретации указывают находки с I и II штыка раскопа № 1, и I–IV штыков раскопа № 2. Здесь зафиксированы находки ордынских монет, а также такой керамики, аналогии которой находятся в материалах нижеволжских золотоордынских городищ.

Рассматриваемый стратиграфический комплекс иллюстрирует вхождение городища, как и всего Нижнего Поволжья, в состав Золотой Орды. Судя по керамической коллекции, население памятника остается неизменным, притока иноэтнического населения не наблюдается. При этом раскопы № 1 и № 2 показывают различную картину данного процесса. Если на раскопе № 1 основной жилой комплекс на данном участке городища «землянка № 1» существует стабильно, то на раскопе № 2 наблюдаются следы пожара.

Таким образом, можно констатировать, что городище было завоевано монголами в результате военной акции, затронувшей лишь отдельные районы памятника. При этом какого-либо значительного этнокультурного влияния этот факт не оказал. После захвата поселения монголы уходят в степи, и только с появлением в Нижнем Поволжье мощных городских центров культура городища претерпевает определенные изменения.

Анализ сосудов, представленный во втором параграфе четвертой главы *«Керамика из верхних слоев Самосдельского городища»* позволяет говорить о преемственности материалам, полученным при исследовании нижележащих слоев памятника: процентное соотношение групп, их характеристики. Так, находятся полные аналогии основным типам посуды: столовым кувшинам, кружкам, кухонным горшкам, котлам, крышкам и т.д., что свидетельствует о стабильности этнического состава населения городища в золотоордынское время.

В то же время наблюдается появление некоторых типов посуды, аналогии которым находятся в керамике нижеволжских золотоордынских городищ. Прежде всего, следует отметить некоторые типы кухонных горшков, появление которых свидетельствует о наличии определенных культурных связей с формирующимися центрами золотоордынской городской цивилизации. Однако нет оснований преувеличивать подобные контакты, так как в количественном

отношении доля данных горшков составляет всего около 25 % в выборке из отдела и 3,4 % в общей выборке.

Приведенные сведения позволяют согласиться с мнением ряда исследователей памятника о том, что Самосдельское городище в эпоху Золотой Орды представляло собой периферийное поселение, которое было слабо вовлечено в политическую и культурную жизнь Улуса Джучи, поэтому сохранило культурные особенности. Прекращение жизни на памятнике, особенно в его центральной части, следует связывать с повышением уровня Волги¹.

В заключении подведены основные итоги исследования и намечены некоторые перспективы для дальнейшей работы.

Прежде всего, необходимо отметить уникальность гончарного комплекса Самосдельского городища, который не находит прямых аналогий в материалах памятников окружающих территорий. Это обстоятельство обуславливает выделение специфической культурно-исторической общности, сформировавшейся на Самосдельском городище, для которой этот памятник является эталонным.

Структура гончарного комплекса памятника неоднородна. С одной стороны, в его основу легла керамика группы I, доля которой в разные исторические периоды варьируется в пределах 60–70 %. Судя по технологическим характеристикам, а также по набору форм, значительная часть категорий сосудов этой группы может быть интерпретирована как столовая.

В то же время в материалах памятника выделяется представительный комплекс керамики, который можно интерпретировать как посуду кочевников. Прежде всего, следует отметить сосуды группы II, представленной исключительно кухонными котлами, преобладающей формой среди которых являлись сосуды со сферическим шаровидным туловом и манжетовидным венчиком. Наибольшее распространение подобная посуда получает в нижних слоях городища.

С номадами следует связывать керамику группы III, ее находки в культурном слое городища уникальны. По технологическим характеристикам и морфологическим особенностям ее необходимо рассматривать как наиболее архаичную посуду. Круг аналогий этой керамике крайне ограничен. Отдельные подобные образцы были обнаружены в раннетюркских захоронениях Алтая, имеются изображения сходных по форме сосудов в тюркской каменной скульптуре. Однако до настоящего времени находки этих форм на поселенческих памятниках известны не были. Эта посуда довольно быстро выходит из употребления, уже в комплексе «яма № 24 – сооружение № 9А» не было обнаружено ни одного подобного фрагмента.

Тесно связана своим происхождением с посудой группы III керамика группы IV, также представленная преимущественно кухонными формами. В ее

¹ Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д. К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // Самосдельское городище. Астрахань, 2011. С. 158.

рамках следует отметить весомую выборку специфических лепных котлов, связанных происхождением с территорией Южного Казахстана и Семиречья.

Таким образом, в гончарстве городища складывается парадоксальная ситуация. Самая многочисленная группа I представлена исключительно столовыми формами. Относимые к ней горшковидные сосуды немногочисленны и не несут следы огневого воздействия. В то же время кухонная посуда представлена котлами группы II, IV, горшками группы III, то есть формами, которые можно соотнести с кочевым компонентом в населении городища. Примечателен высокий удельный вес лепной керамики группы IV, который сохранялся в районе 30 %. Такое несоответствие комплексов столовой и кухонной посуды стало уникальным для памятников Восточной Европы и, видимо, является отражением хозяйственной многоукладности населения памятника. Очевидно, значительная часть его населения сохраняла кочевой уклад, более того в этой среде консервировались весьма архаичные хозяйственные элементы, например, использование грубой посуды кострового обжига.

Однако на городище проживало и оседлое население, которое производило высококачественную посуду группы I. При этом материалы памятника показывают, что эти две группы не были жестко дифференцированы. Более того наблюдается «симбиоз» указанных традиций. При исследовании закрытых комплексов в них выявляется как ремесленная гончарная посуда, так и лепная, придомного производства.

Названные ранее аналогии основным категориям керамики из нижних слоев памятника четко указывают на миграцию этнических групп, составивших основу его населения, с территории среднеазиатского региона. Анализ ведущих форм группы I говорит о том, что они формируются как подражание металлическим образцам, а это является характерной традицией согдийского гончарства. В то же время морфологические характеристики кувшинов, кружек, мисок и других категорий сосудов Самосдельского городища не имеют прямых аналогий в посуде средневекового Согда. Влияние культурных традиций этого региона выражается в генетической общности базовых традиций и приемов, что обусловлено тем обстоятельством, при котором их носителями выступало кочевое население, испытавшее сильное влияние оседлой культуры. Данная гипотеза позволяет объяснить наличие в комплексе архаичной посуды группы III, место котлов как основного типа кухонной посуды, что также характерно для кочевников. Кроме того, этим может быть аргументирован высокий процент лепной керамики в комплексе, что не является характерным для синхронных поселенческих памятников сопредельных регионов. В то же время жившие на памятнике кочевники были хорошо знакомы с оседлой культурой. Вероятно, кочевание было престижной традицией, сохранявшейся в среде элиты.

Обособленность и даже уникальность гончарного комплекса Самосдельского городища дает основание предположить, что в основных чертах он сформировался непосредственно на памятнике. Так, данное предположение справедливо для большей части форм группы I, группы IV. Близкие аналогии котлам с витой и треугольной ручкой на территории

Семиречья указывают на их формирование именно в этом регионе. Котлы группы II, как указывалось, являются подражаниями металлическим и каменным формам, которые были распространены на территории среднеазиатского региона. Окончательное сложение морфологии этих сосудов, видимо, также происходило непосредственно в нижневолжском регионе.

Ранее отмечалась общая стабильность керамического комплекса памятника, однако на протяжении его существования наблюдались и определенные изменения. Это касается, прежде всего, снижения количества форм, которые можно связывать с кочевым компонентом в его населении. Постепенно снижается значение котлов как превалирующей формы кухонной посуды, их место все чаще занимают горшки.

Так, в комплексе «сооружение № 9 – сооружение № 25» в группе I появляются горшки типа 2, являющиеся сосудами для приготовления пищи. В вышележащих слоях их количество значительно увеличивается. Все это свидетельствует о процессе седентаризации, протекавшем в среде номадов городища, и о «забывании» архаичных культурных элементов.

Сходная ситуация наблюдается на памятниках Семиречья, откуда происходит ряд вышеуказанных типов керамики. Так, на городищах этого региона наблюдается взаимодействие согдийского и тюркского культурных компонентов¹. Одним из проявлений подобных процессов являлось распространение некоторых типов сосудов, характерных для кочевого быта, прежде всего, котлов. При этом основу керамического комплекса семиреченских городов составляла согдийская посуда. Подобная картина являлась отражением военной, политической гегемонии тюркоязычных кочевников, их высокого социального статуса. Вследствие этого согдийские ремесленники производили продукцию, которая учитывала традиции господствующей группы. При этом в среду номадов активно проникали элементы оседлого быта, нивелируя архаичные традиции.

Можно предположить, что аналогичная ситуация сложилась и на Самосдельском городище. Как отмечено, происхождение кочевой составляющей населения памятника следует связывать с территорией Семиречья, где в среде тюркоязычных номадов активно шли процессы седентаризации. Именно группа с подобным хозяйственным и культурным укладом могла привнести традиции изготовления как примитивной лепной посуды, так и столовых гончарных форм, являющихся переработанными подражаниями согдийской керамике и сосудам, выполненным из металла. Вероятно, длительное сохранение кочевнических традиций было связано с высоким социальным статусом номадов, имевших статус политических гегемонов.

Важным вопросом являются хронологические рамки существования Самосдельского городища, а также датировка отдельных периодов его существования.

¹ Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье // Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 151–152.

Определяющее значение для датировки нижних слоев памятника имеют находки ряда специфических типов сосудов группы IV. Прежде всего, это лепные котлы со сферическим округлым туловом, с горизонтальными витыми и треугольными ручками. На основании аналогий с территории Семиречья и Согда появление данных форм в комплексе нижних слоев памятника должно быть датировано второй половиной IX в. Следует отметить, что иные типы керамики в комплексе нижних слоев памятника не противоречат данной датировке. Так, выявленная здесь посуда группы III выглядит весьма архаично, хотя она не может быть четко датирована по причине ограниченности аналогий. Показательно выглядят находки в этих же слоях гончарных кувшинов типа 1 группы I, являющихся подражаниями металлическим образцам. Опираясь на аналогии с территории Согда, этот тип кувшинов также следует датировать ранним временем, вероятно, в пределах IX в. Таким образом, анализ керамики из стратиграфического комплекса на уровне XI–XII штыков (ниже слоя пожара) должен быть датирован второй половиной IX – началом X в.

Датировка следующего комплекса из слоя пожарища на IX–X штыке основана на верхней хронологической границе распространения котлов с горизонтальными витыми и треугольными ручками. На территории Семиречья данные формы исчезают уже к X в., однако, учитывая отдаленность Нижнего Поволжья от указанного района и обособленность группы носителей традиции изготовления данных форм, верхнюю границу их существования можно определить серединой X в. В пользу данной датировки говорят и иные материалы памятника. Так, в слоях, относящихся к указанному комплексу, практически не встречаются юртообразные жилища, самое позднее из которых зафиксировано в нижних слоях Биляра, датируемых первой половиной – серединой X в.

Анализ датировки комплексов городища следует продолжить рассмотрением верхних слоев памятника, которые имеют четкую датировку вследствие находки золотоордынских монет, а также фрагментов керамики того же периода. Этот комплекс можно датировать XIV в.

Нижележащий стратиграфический горизонт «землянка № 1 – сооружение № 5» может быть датирован в пределах второй половины XII–XIII вв. Основанием для этого стали находки в культурных слоях большого количества люстровой посуды.

Датировка стратиграфического комплекса «сооружение № 9 – сооружение № 25» основана на находках в его верхних слоях бронзовой застезки, а также фрагмента люстровой посуды одного из ранних типов. В связи с этим верхняя дата этих слоев может быть определена серединой XII в. Определение нижней хронологической границы, как и датировки комплекса «яма № 24 – сооружение № 9А», достаточно проблематично, так как здесь не обнаружено каких-либо хроноиндикаторов. В связи с этим установление времени их существования основано на общих наблюдениях за стратиграфической ситуацией на раскопе. Представляется, что датировка комплекса «яма № 24 – сооружение № 9А» укладывается в пределах второй половины X – начала XI в., а нижняя граница

комплекса «сооружение № 9 – сооружение № 25» определяется началом – серединой XI в.

Большое значение имеет освещение вопросов происхождения и этапов формирования гончарного комплекса Самосдельского городища. Анализ материалов говорит о том, что нижние слои памятника должны датироваться хазарским временем. Однако на фоне известных материалов данной эпохи коллекция из Самосделки стоит особняком. Прежде всего, на памятнике не было обнаружено образцов салтово-маяцкой керамики. Принимая во внимание тот факт, что Подонье и Поволжье входили в состав единого государственного образования, это выглядит нелогично. Кроме того, на памятнике только в единичных экземплярах присутствуют формы, аналогии которым находятся в раннесредневековых материалах Северного Кавказа и Закавказья. Можно предположить, что это связано с последствиями гражданской войны, разразившейся в 30-х гг. IX в. По мнению исследователей, центром консолидации оппозиционно настроенных к центральной администрации каганата групп являлось Подонье, где появляется ряд хорошо укрепленных крепостей¹.

Кроме того, обособленность самосдельского комплекса, возможно, связана с хронологическим разрывом в существовании памятников. Так, основная масса памятников салтово-маяцкой культуры прекращает свое существование к началу X в. В то же время анализ материалов Самосдельского городища свидетельствует о том, что данный период является фазой подъема поселения. Обширные городища хазарского времени, расположенные на территории Приморского Дагестана, прекращают существование еще раньше – в VIII–IX вв.

По мнению Д.В. Васильева, в постхазарское время на Самосдельском городище локализуется город Саксин, являвшийся центром одноименной области². Эта точка зрения подтверждается данными анализа керамического материала. В обозначенный период на памятнике выделяется комплекс лепной керамики, который можно связать с многочисленными кочевыми народами, проживавшими в городе, по информации ал-Гарнати³.

В золотоордынское время памятник приходит в упадок, что связано с трансгрессией уровня Каспийского моря и затоплением обширных территорий дельты Волги, а также с появлением мощных городских центров в степной части Нижнего Поволжья, что вызвало отток населения.

Таким образом, изучение керамики Самосдельского городища позволило определить время возникновения памятника, его хронологию, дать культурно-историческую характеристику основным этапам его существования. Кроме

¹ Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2003. С. 329.

² Васильев Д.В. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: мат-лы I Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.). Волгоград, 2004. С. 264–269.

³ Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XIII–XIV вв. // Материалы и исследования археологии. № 169. М., 1969. С. 253–262.

того, эти материалы имеют большое значение для изучения средневековой истории всей Восточной Европы.

**Основные положения диссертационного исследования изложены
в следующих публикациях автора**

*Работы, опубликованные в перечне периодических научных изданий,
рекомендованных ВАК РФ*

1. Попов, П. В. Зооморфный декор в керамике Самосдельского городища / П. В. Попов // Российская археология. – 2010. – № 2. – С. 112–124.
2. Попов, П. В. К вопросу о происхождении некоторых типов керамики Самосдельского городища / П. В. Попов // Российская археология. – 2016. – № 2. – С. 63–87.
3. Попов, П. В. Лепная керамика из нижних слоев городища Самосделка в Астраханской области / П. В. Попов // Общество : философия, история, культура. – 2017. – № 2. – С. 52–57.

Работы, опубликованные в других научных изданиях

4. Попов, П. В. К вопросу о датировке городища Мошаик / П. В. Попов // Нижневолжский археологический вестник. – 2008. – № 9. – С. 206–226.
5. Попов, П. В. Семиреченские элементы в керамике Самосдельского городища / П. В. Попов // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале (20–25 октября, 2008 г.) / отв. ред. : А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. – М. : ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 270–274.
6. Попов, П. В. Код для формализованного описания неполивной керамики Самосдельского городища / П. В. Попов, Д. В. Васильев // Перекрестки истории : актуальные проблемы исторической науки : мат-лы Всероссийской научной конференции к 450-летию г. Астрахань (г. Астрахань, 18 апреля 2008 г.) / ред. кол. : Д. В. Васильев, А. В. Сызранов. – Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2008. – С. 86–91.
7. Попов, П. В. Код для описания неполивной керамики Самосдельского городища / П. В. Попов, Д. В. Васильев // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2008. – Вып. 8. – № 1. – С. 162–172.
8. Попов, П. В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации / П. В. Попов // Степи Европы в эпоху средневековья : сборник научных статей / гл. ред. А. В. Евглевский. – Донецк : ДонНУ, 2009. – Т. 7. – С. 153–187.
9. Попов, П. В. Типология лепных котлов Самосдельского городища / П. В. Попов // Астраханские краеведческие чтения / отв. ред. А. А. Курапов. – Астрахань : ООО «ЦЭНТП», 2009. – Вып. I. – С. 42–47.
10. Попов, П. В. Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища / П. В. Попов // Самосдельское городище : вопросы изучения и интерпретации : сборник научных статей / отв. ред. Д. В. Васильев. – Астрахань : Астраханская цифровая типография, 2011. – С. 60–89.
11. Попов, П. В. Комплекс лепной керамики из предматериковых слоев Самосдельского городища / П. В. Попов // Астраханские краеведческие чтения / отв. ред. А. А. Курапов. – Астрахань : ООО «ЦЭНТП», 2016. – Вып. VIII. – С. 60–65.